

Дистрибуция звонких фрикативных согласных сургутского диалекта хантыйского языка в поствокальной позиции

П. А. Ляпина¹, Т. Р. Рыжикова²

¹ Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

² Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

На основе экспериментальных исследований установлен фонологический статус губно-губного круглощелевого [w], заднеязычного [ɣ] и огубленного заднеязычного [ɣ^o] согласных звуков в сургутском диалекте хантыйского языка. Данные звуки могут чередоваться не только у носителей разных говоров сургутского диалекта, но и в речи одного и того же информанта. Материалом исследования послужили словоформы с целевыми звуками, выписанные из «Словаря восточнохантыйских диалектов» Н. И. Терешкина с сохранением его транскрипции. Проанализирована дистрибуция рассматриваемых звуков и, следуя правилам выделения фонем Н. С. Трубецкого, выделены губно-губная круглощелевая фонема /w/ и гуттуральная щелевая фонема /ɣ/. Сопоставление реализаций фонем в тром-аганском и юганском говорах сургутского диалекта свидетельствует о том, что губно-губная щелевая фонема имеет два аллофона [w] и [ɣ^o], а гуттуральная фонема реализуется только в одном аллофоне [ɣ].

Ключевые слова:

хантыйский язык, сургутский диалект, фонетика, фонология, экспериментально-фонетические методы, консонантизм, заднеязычные согласные, губные согласные, специфические звуки

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00388 «Специфика звукового строя сургутского диалекта хантыйского языка».

Для цитирования

Ляпина П. А., Рыжикова Т. Р. Дистрибуция звонких фрикативных согласных сургутского диалекта хантыйского языка в поствокальной позиции // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 44–52. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-44-52

Distribution of voiced fricative consonants of the Surgut dialect of the Khanty language in the position after vowels

P. A. Lyapina¹, T.R. Ryzhikova²

¹ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

² Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This work aims at identifying and describing the articulatory characteristics of the bilabial and guttural consonant phonemes of the Surgut dialect of the Khanty language by distributive analysis. The Khanty language is character-

© П. А. Ляпина, Т. Р. Рыжикова, 2021

ized by a pronounced dialect fragmentation. The Surgut dialect is one of the Eastern Khanty dialects. A number of works are devoted to its vocalism, while only one paper addresses the Surgut consonantism. The system of the Surgut dialect consonants is characterized by several features, with one being the alternation of fricative bilabial [w], guttural non-labialized [ɣ], and guttural labialized [ɣ^o] consonants. According to experimental studies conducted in the V. M. Nadelyaev Laboratory of Experimental-Phonetic Researches, Institute of Philology, SB RAS, these sounds have been found to alternate not only in speakers of different Surgut sub-dialects but also in the speech of one speaker. This study examined the word forms with target sounds found in the dictionary of the Eastern Khanty dialects by N. I. Tereshkin. The paper presents language material, with a series of words in different phonetic contexts and a summary distribution table. Following N. S. Trubetsky's rules of phoneme distinction, we performed a sound analysis and identified two phonemes: the bilabial rounded phoneme /w/ and the guttural hypothetical phoneme /ɣ/. The bilabial one was found to have two allophones [w, ɣ^o], with the guttural phoneme realized only in one allophone [ɣ].

Keywords

Khanty language, Surgut dialect, phonetics, phonology, experimental phonetics, consonants, guttural consonants, labial consonants, specific sounds

Acknowledgements

The study was carried out with the support of the RFBR, project No. 19-012-00388 «The specifics of the sound system of the Surgut dialect of the Khanty language».

For citation

Lyapina P. A., Ryzhikova T. R. Distributsiya zvonkikh frikativnykh soglasnykh Surgutskogo dialekta Khantyjskogo yazyka v postvokal'noy pozitsii [Distribution of voiced fricative consonants of the Surgut dialect of the Khanty language in the position after vowels]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 44–52. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-44-52

Введение

Целью данной статьи является установление фонологического статуса губного-губного круглощелевого [w], заднеязычного [ɣ] и огубленного заднеязычного [ɣ^o] согласных звуков в сургутском диалекте хантыйского языка, разграничение которых проблематично. Согласно данным «Словаря восточнохантыйских диалектов» Н. С. Терешкина [Терешкин, 1981], заднеязычные согласные [ɣ] и [ɣ^o] в говорах сургутского диалекта встречаются только в середине или на конце слова и никогда в анлауте. Губно-губной согласный [w] может употребляться в начале слова во всех сургутских говорах, но в позиции в середине слова и на конце он возникает только в юганском и усть-юганском говорах, при этом в тром-аганских соответствиях в этой позиции фиксируется как огубленный, так и неогубленный заднеязычный согласный (ср.: тр.-аг. *čăɣ^o*; юг. *čăw* ‘каша’; тр.-аг. *t'ăɣ*; юг. *t'ăw* ‘затор льда’). При разметке фонетических анкет, записанных в ходе экспедиций сотрудниками Института филологии СО РАН в местах компактного проживания носителей сургутского диалекта, их сопоставлении и анализе методами аудитивного и акустического анализа установлено, что эти три звука могут чередоваться не только у носителей разных говоров сургутского диалекта, но и в речи одного и того же информанта.

История согласных хантыйского языка систематически не исследована. В первом и третьем томах серии «Основы финно-угорского языкознания» [Основы... 1974; Основы... 1976] описаны исторические трансформации, произошедшие со звуками финно-угорского языка-основы. Поскольку памятников на праязыке нет, его фонетическая система реконструируется на основе звуковых соответствий в отдельных этимологически родственных словах.

В консонантизме финно-угорского праязыка не было заднеязычного щелевого *ɣ*: данный хантыйский звук восходит к краткому взрывному **k* в интервокальном положении. В финском и саамском языках этот звук сохранился, а в языках волжской и марийской групп, как и в языках угорской подветви, финно-угорские взрывные согласные подверглись спирализации (**k > *ɣ*) с дальнейшими изменениями (вплоть до исчезновения, например, в удмуртском языке). Только в хантыйском и мансийском языках данные звуки сохранились как заднеязычные: в других языках они изменились в губно-зубной *v* или среднеязычный *j* [Основы... 1974: 135–137].

Губно-губной щелевой согласный звук *w* мог прийти в хантыйский язык несколькими путями: от краткого взрывного **p* в интервокальном положении либо от фрикативного **w* в анлауте и инлауте. В обоих случаях звук сохранился в виде губно-губного только в марийских и обско-угорских языках, в то время как в остальных языках он стал губно-зубным *v*. В мансийском языке звук, произошедший от **p*, не стал щелевым, а остался взрывным, в то время как в хантыйском языке он реализуется как в щелевом, так и во взрывном вариантах [Там же: 135, 142–143].

Существует альтернативная точка зрения В. Штейница, который полагает, что в праязыке были именно щелевые согласные, а краткие взрывные звуки возникли как новообразования в финском и саамском языках позднее. В самом хантыйском языке, по В. Штейницу, также происходили изменения, повлиявшие на состав фонем: прахантыйский заднеязычный согласный **y* претерпел различные изменения в хантыйских диалектах. Так, в северных диалектах фиксируются следующие явления:

- 1) перед первоначальными огубленными палатальными гласными **y* перешёл либо в *w* (шурышкарский и казымский: *jiw* ‘отец’), либо в *j* (обдорский: *ji* ‘отец’);
- 2) перед непервоначальными огубленными палатальными гласными **y* перешёл в *w* (казымский, обдорский: *kew* ‘камень’);
- 3) перед велярными гласными **y* изменился в *χ*: шурышкарский, казымский: *põχ* ‘сын’, обдорский *põχ* ‘сын’ [Основы... 1976: 276].

Итак, наблюдаются следующие траектории фонологических изменений: в позиции перед передними гласными заднеязычный звонкий согласный стал более передним, либо сменив место образования на среднюю часть языка, либо став губно-губным; в позиции перед непредними гласными согласный утратил свою звонкость, стал глухим без изменения места и способа образования.

Для восточных диалектов изменения пошли другим путем: в ваховском диалекте сохранился *y*, в сургутском **y* реализовался в *y* в тром-аганском говоре и в *w* в юганском (причины этого расхождения не указаны). Лабиализованный заднеязычный согласный звук *y*^o признается огубленным вариантом *y* в позиции после огубленных по происхождению гласных.

Относительно прахантыйского согласного звука **w* сказано, что во всех диалектах он изменялся в середине слова так же, как **y* [Там же: 277].

Логично предположить, что причиной смешения звуков *w*, *y* и *y*^o в речи носителей сургутских говоров являются исторические процессы, в ходе которых гласные, предшествующие данным согласным, утратили признак лабиальности и совпали, что и повлекло за собой неразличение позиций данных согласных.

Чередование щелевых губного, заднеязычного и заднеязычного огубленного согласных звуков типологически уникально, и потому описание дистрибуции данных согласных представляет ценность для установления древнейших языковых контактов на территории Сибири и дополнения типологической классификации артикуляционно-акустических баз сибирских языков. Практическая ценность работы заключается в использовании результатов для фиксации языкового материала хантыйского языка, составления словарей, совершенствования письменности на хантыйском языке.

Материалы и методы

Материалом послужили словоформы тром-аганского и юганского говоров из «Словаря восточно-хантыйских диалектов» Н. И. Терешкина [1981], в котором запись слов даётся в фонетической транскрипции. Рассмотрено 1069 слов, в которых зафиксированы согласные *w*, *y* или *y*^o в различном фонетическом контексте; учтены 7 позиций, условно обозначенные как CV-, -VCV-, -V[C]V₁C₃-, -[C]C₁-, -[C]C₃-, -C₃[C]-, -VC¹. Позицию -V[C]V₁C₃-, где исследуемые согласные находятся перед редуцированным гласным, за которым следует носовой согласный, следует рассматривать отдельно: редуцированный гласный в беглой речи может выпадать, а носовой звук в свою очередь влиять

¹ Группы согласных обозначены следующим образом: C₁ – шумные согласные, C₃ – малошумные согласные. Гласные обозначаются символом V, для редуцированного гласного используется символ V₁. В квадратные скобки [] заключен звук, рассматриваемый в составе сочетания согласных.

на предшествующий согласный. Проведённое ранее исследование о влиянии постпозитивного гласного на огубленность согласного не дало результатов. В сургутском диалекте не зафиксировано использования губного-губного круглощелевого [w] и огубленного заднеязычного [ɣ^o] согласных звуков в постконсонантной позиции, поэтому в сводной таблице 1 отметим её только для заднеязычного [ɣ]. Запись примеров в статье дается в транскрипции Н. И. Терешкина [1981].

Результаты и обсуждение

В качестве основного говора в дистрибутивном анализе рассматривается тром-аганский говор сургутского диалекта: сначала описываются позиции исследуемых согласных для этого говора, затем даются комментарии относительно позиций этих согласных в юганском говоре.

1. Малошумный губно-губной круглощелевой звонкий согласный [w]:

CV-: *wasəy* ‘утка’, *wuləy* ‘незнакомый’, *wāt'ərəm* ‘горький’, *wət'əytətə* ‘зажечь’, *wərayətətə* ‘рваться, пробиваться’.

Звук [w] в тром-аганском говоре используется только в начале слова, за ним могут следовать огубленные и неогубленные гласные переднего и заднего ряда.

В юганском говоре сургутского диалекта в анлауте губно-губной щелевой согласный реализуется так же, как и в тром-аганском, однако может встречаться и в других позициях (в тром-аганских вариантах ему соответствуют заднеязычные согласные [ɣ] и [ɣ^o]):

-VCV-: юг. *āwi* ‘дочь’, *sāwantta* ‘витья, свиваться; заплетаться’, *kāwər* ‘ковёр; мат из камыша’, *lawər* ‘сак для вычерпывания льда’, *rāwəl* ‘род, вид, порода’, *čewər* ‘заяц’, *tiwət* ‘колчан’, *n'ōwəs* ‘собо́ль’, *rōwəl* ‘опухоль’, *l'ōwitta* ‘мыть; умыть’;

-V[C]V₁C₃-: юг. *tawəmta* ‘укусить’, *tāwən* ‘тихий, тихо (о погоде)’, *āwən'* ‘икота’, *sāwən* ‘берестяной короб’, *sāwi* ‘топкая глина, глинистая грязь’, *rāwəŋ* ‘мутный (о жидкости)’;

-[C]C₁-: юг. *kāwput* ‘большой овальный котёл с ушками’, *āwtəmta* ‘отрезать’, *liwəpəs* ‘еда’, *siwtətā* ‘украшать’, *l'ūwtəyəlta* ‘мазать, замазывать; пачкать (многокр.)’, *čəwta* ‘киснуть, бродить (о тесте)’;

-[C]C₃-, **неносовой**: *tāwriлта* ‘закрывать, запира́ть’, *sāwrəmta* ‘рубануть’, *kewrəm* ‘горячий’, *n'ewrəm* ‘ребёнок, дитя’, *kiwri* ‘прорубь’, *owrəmtətə* ‘выворотить, разжать кому-л. стиснутые зубы’, *tiwvrəŋ* ‘трухлявый’; **-[C]C₃-**, **носовые**: *tawmilta* ‘прикусывать; кусать (многокр.)’, *āwn'əmtətə* ‘икнуть’, *tāwnəyлта* ‘стихнуть (о непогоде)’, *sūwmət* ‘береза’, *rūwməлта* ‘мешать, путать’, *čəwməлта* ‘потерять сознание’;

-VC-: юг. *t'āw* ‘затор льда’, *lāw* ‘лошадь’, *kāw* ‘камень’, *sew* ‘сорока’, *siw* ‘украшение, красота’, *tōw* ‘небольшое озеро’, *liw* ‘он, она, оно’.

Таким образом, звук [w] в сургутском диалекте встречается в анлауте (в тром-аганском и юганском говорах), интервокальной и преконсонантной позициях и в ауслауте (только в юганском говоре) и не встречается в постконсонантной позиции.

2. Малошумный заднеязычный щелевой звонкий согласный [ɣ]:

-VCV-: *āltayə* ‘лежать, спать’, *jayərt* ‘развилина, разветвление’, *sayər* ‘сахар’, *qōjayi* ‘кто’, *rāyipta* ‘травить, ослаблять’, *rāyər* ‘остров’, *tāyə* ‘туда’, *qāyilta* ‘давиться твёрдым куском пищи (многокр.)’, *tāyi* ‘место’, *qāyipta* ‘давиться (однокр.)’, *māyəl* ‘окружность’, *n'āyi* ‘лежалый’, *māyərta* ‘удавить, умять руками’, *māyəl'nəŋ* ‘нагрудник’, *leyələyəlta* ‘посматривать, поглядывать’, *leyəлта* ‘смотреть, глядеть; посмотреть, поглядеть’, *neyi* ‘белый, светлый’, *liyəл* ‘кедр’, *iyiinti* ‘пчела, шмель’, *tōyəл* ‘крупное перо’, *qiyərt* ‘горсть’;

-V[C]V₁C₃-: *ayəŋ* ‘подбородок’, *tāyənəm* ‘туда’, *rāyət* ‘родной, близкий по родству или свойству’, *čiyəmtəyəlta* ‘душить; удушаться’, *riyəmtətə* ‘проткнуть, лопнуть’, *loyəт* ‘тихий, смирный’, *siyəт* ‘нитка’, *sāyənta* ‘гремять (грому)’, *kəyəŋ* ‘пуговица’, *tāyənəm* ‘сюда’, *wāyəntətə* ‘просить, попрошайничать’, *jōyən* ‘ночь, ночью’;

-[C]C₁:- *uyraytata* ‘ворочать’, *kəčaylata* ‘ушибить(ся)’, *nöjaytə* ‘сукно’, *qayta* ‘давиться’, *räypita* ‘лгать, врать’, *täyta* ‘бросать, кидать’, *läyrə* ‘пряжка’, *mäytäyta* ‘ставить рыболовные снасти’, *leylipta* ‘посмотреть, бросить взгляд (однокр.)’, *leyläyälta* ‘смотреть(ся), видеть(ся) (многокр.)’, *wiyta* ‘кричать, реветь’, *iytanitta* ‘вешаться, повеситься’, *joyläpta* ‘махнуть’, *puyləm* ‘щека’, *küläyta* ‘катиться, скользить’, *mätäytata* ‘ударить, стукнуть’, *jöräylata* ‘забыть’, *räytə* ‘черный’, *räytas* ‘темный’, *läyri* ‘нутро, внутреннее пространство’;

-[C]C₃-, **неносовой**: *täyrämitta* ‘треснуть, расколоться’, *mäyrämtäyälta* ‘удавливать, уминать’, *kiyri* ‘прорубь’, *tuyrəŋ* ‘хвойный’; **носовые**: *laymätkäřə* ‘темя’, *säynäpta* ‘грянуть, прогреметь (грому)’, *täymitata* ‘порвать(ся); разорвать(ся)’, *täymältata* ‘прикрепить’, *čoymita* ‘посвистывать’, *rüymältata* ‘мешать, путать’, *lüymältata* ‘успокаивать; усмирять; утешать’, *čäymältata* ‘потерять сознание, впасть в бесчувствие’;

-C₃[C]:- *aryənam* ‘врозь’, *äryaytata* ‘оживить, привести в чувство’, *järyənan* ‘ненец’, *köräyälata* ‘падать; валяться’, *järyälata* ‘скрежетать зубами’;

-VC: *mäy* ‘бобр’, *siy* ‘сверток, рулон’, *t’äy* ‘затор льда’, *n’äy* ‘смех, шутка’, *əjwäy* ‘копейка’, *liy* ‘сошка, кол с развилкой’, *loy* ‘яр, крутой обрывистый берег реки’, *älsöy* ‘кожа человеческого тела’, *juy* ‘дерево’, *öñčäy* ‘сосна’, *arəy* ‘песня’, *añčäy* ‘шиповник’, *añəy* ‘чашка’, *čöñčäy* ‘веревка’, *čörčäy* ‘черная смородина’, *äjləy* ‘несчастливый’, *äsəmkiřəy* ‘вымя, грудь’, *jüntəy* ‘тетива невода, сети, лука’.

В тром-аганском говоре звук [y] реализуется в интервокальной, пре- и постконсонантной позициях и в ауслауте. В интервокальной позиции заднеязычному согласному звуку [y] могут предшествовать огубленные и неогубленные гласные переднего и заднего ряда, а следовать – неогубленные гласные переднего ряда и редуцированный [ə], ряд которого точно не определен [Чепреги 2017: 23].

В юганском говоре сургутского диалекта звук [y] встречается в тех же позициях: интервокальной (юг. *kəyən* ‘пуговица’, *paçər* ‘остров’, *liyəł* ‘кедр’, *qöjəyi* ‘кто’), прекоконсонантной (*läyrə* ‘пряжка’, *tuyrəŋ* ‘хвойный’, *čoymita* ‘посвистывать’) и постконсонантной (юг. *jörənan* ‘ненец’, *aryənam* ‘врозь’), а также в ауслауте (юг. *məy* ‘бобр’, *siy* ‘сверток, рулон’, *öñčäy* ‘сосна’, *älsöy* ‘кожа человеческого тела’).

Частотными для звука [y] являются реализации в составе некоторых типичных глагольных финалей:

– [-taçə]: тр.-аг. *ältəçə*, юг. *öltəçə* ‘лежать, спать’, тр.-аг. *altəçə*, юг. *ältəçə* ‘носить, таскать на себе какой-то груз’, тр.-аг., юг. *wutəçə* ‘знать; видеть’;

– [-açta]: тр.-аг., юг. *muraçta* ‘трещать, хрустеть’, тр.-аг., юг. *t’olaçta* ‘блестеть, сиять, светиться’, тр.-аг., юг. *qölaçta* ‘течь струйкой, протекать, течь’, тр.-аг., юг. *qöpaçta* ‘выворачивать(ся), выворотить(ся); отковырнуть, выковырнуть; отколупнуть’;

– [-açlata]: тр.-аг., юг. *kəçaylata* ‘ушибить(ся)’, тр.-аг. *kämlaylata*, юг. *kämlyälata* ‘опрокидывать, опрокинуть’, тр.-аг., юг. *märaçlata* ‘тонуть, погружаться в воду’, тр.-аг., юг. *pətkaçlata* ‘спешить, топиться’;

– [-əçälta]: тр.-аг., юг. *äryläyälta* ‘упоминать’, тр.-аг. *läläyälta*, юг. *läläyälta* ‘вздохнуть, сделать вздох’, тр.-аг. *maltəyälta*, юг. *mältəyälta* ‘шупать, ощупывать’, тр.-аг., юг. *suraləyälta* ‘умирать’;

– [-əçta]: тр.-аг., юг. *kitəçta* ‘посылать’, тр.-аг., юг. *päsəçta* ‘капать, протекать’, тр.-аг. *söjəçta*, юг. *süjəçta* ‘плевать, выплёвывать’, тр.-аг. *wäyləçta*, юг. *wäyləçta* ‘выйти на берег из лесу’;

– [-açtata]: тр.-аг., юг. *qäkläyätata* ‘отклеивать(ся), отставать’, тр.-аг., юг. *pənyaytata* ‘катить, кувырка; кувырка(ся)’, тр.-аг., юг. *wälmaçtata* ‘поселиться’, тр.-аг. *mäylyätata*, юг. *mäylyätata* ‘обойти, объехать кругом, окружить’;

– [-əçlata]: тр.-аг., юг. *jöräylata* ‘забыть’, тр.-аг., юг. *kiräylata* ‘кружить(ся)’, тр.-аг. *qöräylata*, юг. *qoraçlata* ‘задрать подол платья’, тр.-аг., юг. *sučäylata* ‘расхаживать взад-вперед’, тр.-аг., юг. *t’iräylata* ‘шуметь’.

Таким образом, по результатам дистрибутивного анализа, можно сделать вывод о том, что звук [y] в сургутском диалекте встречается в интервокальной, пре- и постконсонантной позициях и в ауслауте и не встречается в начале слова.

3. Малошумный заднеязычный щелевой звонкий огубленный согласный [ɣ°]:

-VCV-: *layərt* ‘тяжесть, тяжёлый’, *kaɣər* ‘ковёр; мат из камыша’, *lāyər* ‘сак для вычерпывания льда’, *sāyək* ‘птичий пупок’, *tāyʷi* ‘весна’, *āyəl* ‘нарта, сани’, *rāyəl* ‘муть, грязь, осадок (в жидкости)’, *kāyʷi* ‘трясина, топь’, *jāyətta* ‘кинуть’, *pāyəl* ‘род, вид, порода’, *māyʷi* ‘изгиб, крутой поворот реки’, *āyʷi* ‘дочь’, *sāyʷantta* ‘витья, свиваться; заплетаться’, *čeyər* ‘заяц’, *eyət* ‘высокий мыс’, *neyʷčək* ‘беловатый; посветлее’, *čeyʷita* ‘складывать; хоронить’, *neyʷamttta* ‘светать, светлеть’, *piyəl* ‘лямка’, *tiyət* ‘колчан’, *oyʷeji* ‘шаткий, валкий’, *oyʷita* ‘шататься’, *qoyətta* ‘издали, издалека’, *nʷoyəs* ‘соболь’, *lʷoyʷita* ‘мыть; умывать’, *lōyʷit* ‘величина, размер’, *lōyʷitan* ‘рослый, коренастый’, *tʷoyʷal* ‘открытый камин’, *kūyəl* ‘бубенчик’, *lʷuyətta* ‘мазать, замазать, намазать’, *tiyər* ‘древесная труха’, *tiyət* ‘огонь’, *miyʷ* ‘карась’, *miyʷeŋ* ‘карасий, с карасями’;

-V[C]V₁C₃-: *nʷayəmta* ‘говорить, разговорить’, *ayənloɣ°* ‘челюсть’, *tāyəmta* ‘наступить весне’, *tāyəmta* ‘укусить’, *jāyən* ‘река’, *āyən* ‘икота’, *sāyən* ‘берестяной короб’, *āyəm* ‘поцелуй, ласка’, *tāyən* ‘тихий, тихо (о погоде)’, *meyənlatə* ‘дремать’, *nʷiyəmta* ‘отсыреть, намокнуть’, *čoyəmta* ‘свистнуть’, *qoyən* ‘давно’, *tōyənəm* ‘туда, в том направлении’, *liyənəm* ‘он сам с собой’, *miyənəm* ‘чем, с чем’;

-[C]C₁-: *āyʷta* ‘течь, протекать (о реке)’, *āyʷilətə* ‘наедаться, насыщаться’, *āyʷəmta* ‘отрезать’, *kāyʷrut* ‘большой овальный котёл с ушками’, *seyʷkin* ‘лихорадка’, *liyʷəyətta* ‘выходить, вылезать’, *siyʷtətə* ‘украшать’, *oyʷi* ‘колени’, *oyʷəy* ‘безголовый’, *oyʷpi* ‘дверь’, *pōyʷta* ‘дуть’, *pōyʷəpsə* ‘опухоль’, *lʷuyʷəyətta* ‘мазать, замазывать; пачкать, натирать’, *wōyʷəy* ‘слабосильный, слабый’, *niyʷəyətta* ‘беречься; относиться бережно’, *čəyʷta* ‘киснуть, бродить (о тесте)’, *tāyʷəm* ‘вошь’;

-[C]C₃-, **неносовой**: *tāyʷəpətə* ‘поколоться, потрескаться’, *jāyʷəŋi* ‘увертка, хитрость’, *tāyʷriltə* ‘закрывать, запирает’, *jāyʷəy* ‘волк’, *sāyʷəmta* ‘рубануть’, *keɣʷəkintta* ‘задеть, зацепиться’, *keɣʷəkintəyətta* ‘задевать, зацепляться (многокр.)’, *keɣʷəmiltə* ‘закипать’; **-[C]C₃-**, **носовые**: *nʷayʷməŋ* ‘разговорчивый’, *āyʷnʷəmtətə* ‘икнуть’, *āyʷməŋ* ‘ласковый, приветливый’, *tāyʷnəyətə* ‘стихнуть (о непогоде)’, *meyʷnəmtəyətə* ‘дремать (многокр.)’, *meyʷnəpətə* ‘задремать’, *meyʷnəmtə* ‘вздремнуть, подремать’, *ōyʷnəŋ* ‘верхний конец плёса’, *siyʷmət* ‘берёза’, *wōyʷnət* ‘насильно, через силу’;

-VC-: *jāyʷ°* ‘окунь’, *oyʷ°* ‘голова’, *lāyʷ°* ‘лошадь’, *kāyʷ°* ‘камень’, *sileyʷ°* ‘уклон, искривление’, *seyʷ°* ‘сорочка’, *miyʷ°* ‘кочка’, *siyʷ°* ‘украшение, красота’, *sōyʷ°* ‘кожа, шкура’, *tōyʷ°* ‘небольшое озеро’, *wōyʷ°* ‘сила’, *liyʷ°* ‘он, она, оно’.

В тром-аганском говоре звук [ɣ°] реализуется в интервокальной, преконсонантной и ауслатной позициях. В интервокальной позиции заднеязычному согласному звуку [ɣ°] могут предшествовать огубленные и неогубленные гласные переднего и заднего ряда, а следовать – неогубленные гласные переднего ряда и редуцированный ə.

В юганском говоре сургутского диалекта звук [ɣ°] встречается в тех же позициях: интервокальной (юг. *tōyʷə* ‘прочь, напрочь’, *jōyʷin* ‘ночь, ночью’, *kāyʷi* ‘трясина, топь’, *āyʷəm* ‘поцелуй, ласка’) и преконсонантной (юг. *pōyʷta* ‘дуть’, *jāyʷəy* ‘волк’, *wōyʷnət* ‘насильно, через силу’), а также в ауслате (юг. *jāyʷ°* ‘окунь’, *sileyʷ°* ‘уклон; искривление; наклонный; кривой’, *miyʷ°* ‘кочка’, *oyʷ°* ‘голова’). Однако в большинстве слов, в которых в тром-аганском говоре реализуется огубленный заднеязычный согласный [ɣ°], в юганском говоре на этом месте используется губно-губной круглощелевой согласный звук [w]: тр.-юг. *lāyʷ°* ~ юг. *lāw* ‘лошадь’, тр.-юг. *tōyʷə* ~ юг. *tōwə* ‘туда’, тр.-юг. *kaɣər* ~ юг. *kāwər* ‘ковёр’ и мн. др.

В обобщенном виде дистрибуция щелевых согласных звуков: губного-губного круглощелевого [w], заднеязычного [ɣ] и огубленного заднеязычного [ɣ°] – представлена в сводной таблице 1 (с. 50).

По результатам дистрибутивного анализа щелевых согласных [w], [ɣ] и [ɣ°] тром-аганского и юганского говоров можно сделать следующие выводы.

1. Губно-губной круглощелевой [w] в тром-аганском говоре встречается только в анлауте, в то время как в юганском он может функционировать и в остальных позициях: интервокальной, преконсонантной и финальной (табл. 1). Анализ приведённых примеров свидетельствует о том, что в тех лексемах, в которых в юганском говоре встречается круглощелевой [w], в тром-аганском говоре на его месте функционирует огубленный гуттуральный [ɣ°]: тр.-юг. *rāyʷə* ~ юг. *rāwə* ‘грязь, муть’, тр.-юг. *seyʷ°* ~ юг. *sew* ‘сорочка’, тр.-юг. *liyʷəpəs* ~ юг. *liwəpəs* ‘еда’. Таким образом, можно предположить, что в ходе исторического

Таблица 1
Table 1

Дистрибуция согласных звуков [w], [ɣ] или [ɣ°] для тром-аганского говора²
Distribution of sounds [w], [ɣ] and [ɣ°] for trom-agan dialect

Позиция Звук	CV-	-VCV-	-V[C]V ₁ C ₃ -	-[C]C ₁ -	-[C]C ₃ -	-C ₃ [C]-:	-VC
[w]	+	– (+)	– (+)	– (+)	– (+)	–	– (+)
[ɣ]	–	+	+	+	+	+	+
[ɣ°]	–	+	+	+	+	–	+

развития звуковой системы сургутского диалекта в ряде говоров (например, в юганском) сохранился исконный круглощелевой сонант [w], в то время как в других (например, в тром-аганском) произошло его продвижение назад с сохранением лабиального признака и появился новый звук [ɣ°]. Следовательно, по третьему правилу выделения фонем Н. С. Трубецкого, звуки [w] и [ɣ°] в тром-аганском говоре являются реализациями одной фонемы. Поскольку исторически билабиальный звук появился раньше, обозначим данную фонему как билабиальную круглощелевую /w/.

2. В тром-аганском говоре неогубленный заднеязычный [ɣ] встречается во всех позициях (интервокальной, пре- и постконсонантной, финальной), кроме инициальной. В именных основах он чередуется с огубленным [ɣ°]. Однако наличие квазиомонимов тр.-аг., юг. *n'ǎyi* 'лежалый' ~ тр.-аг. *n'ǎyʲi* ~ юг. *n'ǎwi* 'мясо, тело' свидетельствует о том, что неогубленный заднеязычный [ɣ] и огубленный заднеязычный [ɣ°] не могут замещать друг друга без изменения значения слова. Следовательно, согласно второму правилу выделения фонем Н. С. Трубецкого [Трубецкой 1960: 52–56], данные звуки являются репрезентациями разных фонем. Как было установлено выше, тром-аганский звук [ɣ°] является реализацией фонемы /w/, следовательно, гуттуральный [ɣ] – это аллофон фонемы /w/. Кроме того, в типичных инфинитивных окончаниях всегда используется неогубленный звук [ɣ], в то время как огубленный вариант [ɣ°] в этой позиции никогда не встречается. Следовательно, звуки [ɣ] и [ɣ°] – это реализации разных фонем.

Таблица 2
Table 2

Фонемы, аллофонами которых в сургутском диалекте хантыйского языка являются согласные звуки [ɣ], [ɣ°] и [w]
Phonemes of the Surgut dialect of the Khanty language that have sounds [ɣ], [ɣ°] and [w] as allophones

Фонемы	Аллофоны	Примеры
/ɣ/	ɣ	тр.-аг. <i>taləɣ</i> , юг. <i>tələɣ</i> 'пустой' тр.-аг. <i>pətkaylata</i> , юг. <i>pətkaylata</i> 'спешить, торопиться'
/w/	w, ɣ°	тр.-аг. <i>wǎn</i> , юг. <i>wǎn</i> 'плечо' тр.-аг. <i>sey°</i> , юг. <i>sey</i> 'сорока' тр.-аг. <i>tuyər</i> , юг. <i>tuwər</i> 'древесная труха'

3. Правомерность выделения отдельной щелевой гуттуральной фонемы /w/ требует верификации на более широком лингвистическом материале. В прафинно-угорском данная фонема отсутствовала, вместо нее во всех позициях использовалась фонема *k, которая в ходе исторического развития

² В скобках указаны позиции, характерные для юганского говора и отличающиеся от позиций тром-аганского говора.

в разных языках не в анлауте дала разные реализации: в хантыйском – аллофоны [ɣ] и [χ] [Основы... 1974: 135].

Таким образом, в сургутском диалекте хантыйского языка можно выделить две щелевые фонемы – губно-губную круглощелевую /w/ с аллофонами [w] и [ɣ°] и гуттуральную условную /χ/ с одним аллофоном [χ] (табл. 2).

Заключение

По результатам дистрибутивного анализа словоформ, содержащих в своей транскрипции фрикативные губно-губной круглощелевой [w], гуттуральный [ɣ] и гуттуральный огубленный [χ°] в различном фонетическом контексте, с применением методов выделения фонем Н. С. Трубецкого выявлен инвентарь щелевых фонем, представленный губно-губной круглощелевой фонемой /w/ с аллофонами [w] и [ɣ°] и гуттуральной фонемой /χ/ с одним аллофоном [χ].

Фонема /w/ (w, ɣ°) – согласная малошумная губно-губная щелевая ртовая звонкая неназализованная.

Фонема /χ/ (χ) – согласная шумная гуттуральная щелевая ртовая звонкая неназализованная.

Требуется дальнейшее изучение консонантной системы сургутского диалекта хантыйского языка для установления конститутивно-дифференциальных признаков, структурирующих эту систему.

Список литературы

- Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов / Н. И. Терешкин. Л.: Наука, 1981. 545 с.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии / Пер. с нем. А. А. Холодовича; Под ред. С. Д. Кацнельсона; Послел. А. А. Реформатского. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 372 с.
- Чепреги М. Сургутский диалект хантыйского языка / М. Чепреги; под ред. Н. Б. Кошкарёвой; ред. хант. текста А. С. Песикова; пер. на рус. язык: Т. А. Ефремова; рец. В. Н. Соловар. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2017. 275 с.
- Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.
- Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермский и угорские языки. М.: Наука, 1976. 465 с.

References

- Chepregi M. *Surgutskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [The Surgut dialect of the Khanty language]. N. B. Koshkareva (Ed.); A. S. Pesikova (Ed. of the Khanty texts); T. A. Efremova (Transl. to Russian); V. N. Solovar (Rev.). Khanty-Mansiysk, ООО “Pechatniy mir g. Hanty-Mansiysk”, 2017, 275 p.
- Osnovy finno-ugorskigi yazykoznaniya. Voprosy proishozhdeniya i razvitiya finno-ugorskih yazykov* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Questions of origin and development of Finno-Ugric languages] Moscow, Nauka, 1974, 484 p.
- Osnovy finno-ugorskigi yazykoznaniya. Mariyskiy, permskiy i ugorskie yazyki* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Mari, Permian and Ugric languages]. Moscow, Nauka, 1976, 465 p.
- Tereshkin N. I. *Slovar' vostochno-khantyyskikh dialektov* [The dictionary of the Eastern Khanty dialects]. Leningrad, Nauka, 1981, 545 p.
- Trubetskoy N. S. *Osnovy fonologii* [Principles of phonology]. A. A. Kholodovich (Transl. from German), S. D. Katsnel'sona (Ed.), A. A. Reformatskiy (Afterw.). Moscow, Izd. inostr. lit., 1960, 372 p.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
 08.11.2021

Сведения об авторах

Ляпина Полина Алексеевна – магистрант Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

E-mail: lyapinalina@mail.ru

Рыжикова Татьяна Раисовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия).

E-mail: tanya12@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6337-725X

Information about the Authors

Polina A. Lyapina – Master's Student, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: lyapinalina@mail.ru

Tatiana R. Ryzhikova – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: tanya12@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6337-725X